

A detailed illustration of a steampunk detective. He is wearing a dark brown top hat with a pair of round goggles mounted on the side. He has a goatee and is looking off to the side. He is wearing a dark, heavy coat with a high collar and a gold circular emblem on the left chest. The background shows a city street with ornate buildings and a street lamp.

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

**Ф И Л Е Р
УГОЛОВНОГО
СЫСКА**

Денис Евгеньевич Бурмистров Филер уголовного сыска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28985912

SelfPub; 2018

Аннотация

Один день из жизни унтер-офицер Воронина, филера отделения уголовного сыска седьмого околоточного участка, решившего поймать таинственного Толмача

Содержание

Глава 1	4
Двенадцать лет назад	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1

Кофе был отвратительным, с кисловатым привкусом и тяжелым горелым запахом. Потемневшая от времени чайная ложка мачтой затонувшего корабля торчала из этого варева, жалобно елозила по стенкам кружки, и непременно упиралась в скулу при попытке сделать глоток. Эту дурную композицию обвивал едкий сигаретный дым, сизой струйкой поднимающийся из горы сдавленных в гармошку окурков. А за стеклом, в сырой промозглой темноте, барабанил холодный осенний дождь.

Дежурный следователь Дуванов Максим вздохнул, глядя сквозь собственное отражение в окне на размазанные запятые от фар проезжающих мимо машин, поднес к губам чашку и, прищулив правый глаз, отхлебнул. Двумя пальцами вытащил дымящийся окурок из пепельницы и затянулся, слушая, как трещит, сгорая, табак.

Где-то в глубине полупустого здания отдела полиции хлопнула входная дверь, сонная тишина разбавилась возбужденными голосами и шарканьем ног. Звякнули ключи от камеры временного содержания, душераздирающий визг плохо смазанный петель заставил Дуванова вздрогнуть. Грохнул металл о металл и грубый хриплый голос окликнул следователя:

– Не спиться, Саныч?

Следователь нехотя повернулся, моргая покрасневшими глазами.

– Здорово, Глеб. Не смешно – я уже вторые сутки подряд на дежурстве. Кого притащил?

Глеб, долговязый прапорщик из ночного патруля, сдвинул на затылок мокрую форменную кепку и вытер с лица капли дождя. Без лишних слов указал подбородком на чашку в руках следователя, поднял на Максима вопрошающий взгляд. Дуванов без тени сожаления отдал прапорщику недопитый и чуть теплый кофе.

– Хищника мы тебе притащили, Саныч, – Глеб вытянул губы трубочкой и сделал глоток. Сладко крякнул, будто отведал чего-то восхитительного, хитро посмотрел на Максима. – Ты такого еще не видел.

– Чего я за семь лет здесь еще не видел? – без особенного энтузиазма спросил Максим. Ему было неинтересно, ему хотелось домой, к жене.

– Саныч! – оскалился патрульный, растягивая слова. – Такого – не видел. Я тебя когда обманывал?

– А тебе напомнить? – хмуро парировал следователь.

– Ой, проехали, – отмахнулся Глеб. – Пойдем, там все равно по твоей теме. Я тебе клоуна сдам да перекусить поеду с парнями.

– Чего он натворил? Кража опять? «Кухонный боксер»? – Максим с неохотой оторвался от подоконника. – Или пьяная драка? До утра не обождет?

– Не нуди. Сам все увидишь, – Глеб отдал следователю пустую чашку и широко улыбнулся, словно знал что-то такое, о чем Дуванов и не догадывался.

– Веди сразу в допросную, – сдался Максим. – И Ромку толкни, он в дежурке спит. Пусть опыту набирается, стажер. Я сейчас подойду.

– Добро, – прапорщик кивнул и бодрым шагом пошел по коридору, придерживая рукой висящую на поясе дубинку.

– Интриган, – пробурчал ему вслед Дуванов и побрел в туалет.

Когда, через пару минут, он шел по вздувшемуся от времени линолеуму, тряся мокрыми руками с растопыренными пальцами, у тяжелой двери допросной уже топтался худощавый парень с заспанной физиономией и торчащим на сторону вихром.

– Не спится? – следователь поприветствовал стажера словами Глеба. – Пойдем, тебе полезно.

Максим потянул на себя створку, ощущая тугое сопротивление мощной пружины, привычно дернул плечом и шагнул в зябкую прохладу кабинета для допросов – небольшую бетонную коробку почти без мебели и с пыльным проемом зарешеченного окна. Отстранил застывшего в дверях патрульного, без особенного интереса бросил взгляд в сторону табурета для задержанных.

И даже на миг замедлился, удивленно хмыкнул, подняв брови. Крякнул:

– О как!

Взгляд Максима проходил мимо довольно покачивающегося на пятках Глеба, мимо казенного стола, освещенного желтоватым светом одинокой лампы, и упирался в невысокую фигуру сидящего мужчины. Тот походил на какого-то персонажа из театрализованной постановки по мотивам русских классиков. В памяти Дуванова проступили смутные образы актеров, играющих «чего-то-там по Тургеневу» – спектакля, на который они давным-давно ходили вместе с женой. Да-да, примерно так они и были одеты.

Задержанный был щуплым и невысоким. Темно-русые волнистые волосы, зачесанные на обе стороны прямым пробором, закрывали уши. Из-под прядей выбивались пушистые валики бакенбард, опускающиеся до самых скул. Под тонким и прямым носом выделялись ухоженные усики с загнутыми вверх, словно у киношных гусаров, кончиками. Прямо под острым кадыком начинался острый сгиб накрахмаленного воротника-стойки. Максим мог дать руку на отсечение, что ворот именно накрахмален – безупречная белизна с жесткой фундаментальной фактурой сразу же выхватили ассоциации из далекого детства – приятный хруст ткани, ощущение чистоты и прохлады.

Под высокими уголками воротника блестел похожий на слезу камешек, ограненный тонким серебряным узором. Максим погодя подумал, что как так патрульные пропустили мимо своего внимания эдакую красоту, которая в иное

время уже бы грелась в карманах форменных штанов. В любом случае, эта заколка смотрелась донельзя гармонично со стального цвета приталенным пиджаком и алым атласным жилетом. Дополняли облик брюки в цвет пиджака, черные полуботинки с желтыми носами и висящая на крючке за спиной шляпа-«котелок».

– Прямо доктор Ватсон, – первым подал голос стажер Роман.

– Актер что ли? – обратился к мужчине следователь, обойдя стол и занимая свое законное место напротив задержанного. Тот встрепенулся, зыркнул затравленно, глаза забежали, а левая щека нервно дернулась. Он словно не знал или не понимал где находиться, потому никак не мог выбрать как реагировать на происходящее.

«Надо бы на наркотики проверить», – сделал себе пометку Дуванов.

Он отработанным движением сунул руки под столешницу, выудил несколько белых листов и шариковую ручку с пожеванным колпачком. Примерившись, занес ручку над листом, готовясь записывать, и спросил:

– Ну, Глеб, что там случилось? Ромка, сядь в углу, не отвечивай! Ну, давай...

Прапорщик не заставил повторять дважды.

– Вызов поступил на шумную компанию на остановке возле «Спринта», – охотно принялся рассказывать он. – Все, как обычно – бухают, ржут и матерятся в голос. Мы – туда. Не

успели подъехать, как расклад изменился. Вместо пьяной гопоты – разъяренная пьяная гопота. Обступили этого чудика и бросаются, как собаки на алкаша. А он уже одного из них тростью отоварил...

– Чем? – переспросил Максим, поднимая голову.

– Тростью, – повторил Глеб. – Я тебе потом принесу, в «орбиталке» валяется, под сиденьями. Тяжеленная такая, с металлическим набалдашником.

– Ага, – кивнул следователь, – И чего дальше?

– Дальше этот артист пистолет вытащил и принялся по ним палить. И тут и мы подоспели.

– Какой пистолет? – Дуванов вновь оторвался от бумаг и перевел взгляд с Глеба на задержанного и обратно. – Какой еще пистолет? Ты мне что, мокрушника притащил под конец смены?

Стажер в углу нервно хихикнул, но заткнулся под тяжелым взглядом Максима, готового разразиться потоком ругани. Но его опередил Глеб, выкладывая перед Дувановым что-то тяжелое, завернутое в клетчатый носовой платок.

– Ты лучше на это посмотри, – прапорщик пальцем откинул край платка.

Пистолет выглядел вычурно. Именно это слово пришло в голову Дуванову при виде позолоченных вензелей, лежащих орнаментом по всему корпусу, перламутровых накладок на рукояти и мушки с целиков в форме двух скал и миниатюрного маяка.

– Нифига себе! – присвистнул стажер, поднявшись с места и с выпученными глазами шагая к столу. – Антиквариат!

Максим протянул руку и взял пистолет, отмечая приятную тяжесть оружия. Повертел, разглядывая. Поковырявшись с защелкой в основании рукояти, выудил узкий магазин со стальными шариками.

– Пневматика что ли? – хмыкнул он удивленно.

– Пневматика – не пневматика, а одному парню плечо прошил хорошо, – прокомментировал Глеб. – Не хуже, чем из «пэама».

– Наверняка пружина усиленная, – подал голос вытянувшийся, чтобы лучше все разглядеть, стажер. – У нас парни на страйкболе так стволы апгрейдят. Сто пудов там еще и баллончик со сжатым воздухом есть... Можно подержать, а? Ну пожалуйста!

– Можно Машку за ляжку, – отрезал Дуванов, возвращая пистолет на стол. – Или с разбегу... кхм... об телегу. Ты лучше это... конспектируй.

– Максим Сергеевич, – обиженно загундел парень, но вернулся на свой табурет в углу.

– Потом посмотришь, – подмигнул ему Глеб. – В комнате вещдоков.

– Все, харэ, – устало прервал прапорщика следователь. – Ты мне лучше скажи, где остальные участники драки? Шпана эта пострелянная где?

Патрульный снял кепку и вытер коротко стриженную ма-

кушку. Многозначительно махнул кепкой в воздухе.

– Нету больше никого. Того, что с прострелянным плечом, в больничку отвезли, с ним Кирюха остался. Остальные, кто еще мог, разбежались. Но я их знаю, приметная клиентура. Они там периодически барагозят, не раз привлекались по мелочам. Опера утром сгоняют, всех притащат.

– Ну и нахрена тогда мне этот гражданин без терпил и заявления? – возмущенно всплеснул руками Максим. – Да еще и с пневматикой, которую ни к чему не приспособишь?

– Так он терпила, Макс, – Глеб ткнул пальцем в затаившегося задержанного. – На него ж напали! Тут, сам знаешь, в подобной ситуации кто первый заяву кинул, тот и потерпевший! А тебе-то работы – тьфу! Заяву примешь, утром тебе опера шпану притащат и все, считай палку по раскрываемости срубил.

Дуванов застыл с открытым ртом, переваривая в сонном мозгу услышанное, потом криво усмехнулся, хлопнул себя ладонью по ноге.

– Да, чего-то я совсем уже не соображаю. Отдыхать пора... Прав ты, Глебка, как всегда прав. Ладно, сейчас быстренько оформим, – следователь придвинул к себе лист, вновь взялся за ручку. Поднял глаза на мужика в странном костюме и спросил устало: – Ну, артист, как тебя звать-то?

Их взгляды встретились, и короткие секунды Дуванов наблюдал, как затравленно мечутся из стороны в сторону зрачки странного мужичка, как он мучительно на что-то решает-

ся. Максиму надоело играть в гляделки, но стоило ему отве-
сти взгляд, как его оппонент, словно испугавшись потерять
этот зрительный контакт, заговорил, быстро и жарко. Сло-
ва лились из него настоящим потоком, смягченные непри-
вычным говором и разбавленные непонятными следователю
наименованиями предметов и явлений. В какой-то момент
Дуванов, пытающийся было что-то записывать, забросил эту
затею и лишь слушал, сначала с интересом, а потом с недо-
верием и подозрением. Он не заметил, как ушел Глеб, не за-
метил, как вышмыгнул из допросной стажер, спешащий куда-
то и бормочущий что-то себе под нос.

И отвлекся лишь тогда, когда вернувшийся Ромка поло-
жил перед ним на стол худую папку с синей тесьмой и ар-
хивным клеймом поверх текста, из которой вытащил плохо
отпечатанный на черно-белом принтере лист бумаги и поло-
жил перед следователем.

Под крупной надписью: «Внимание! Пропал человек!»
располагалась фотография мужчины средних лет, одетого в
жилетку со множеством карманов и нечитаемым бейджем на
груди. Ниже разъяснялось: «Нечаев Артур, журналист кри-
минальной хроники» и шла краткая характеристика – как
был одет, где видели в последний раз. А еще ниже – дата пе-
чати листка – май 1992 года.

Дуванов внимательнее взгляделся в черты человека с фо-
тографии, взъерошил пятерней волосы и поднял полный
удивления взгляд на задержанного. Тихо спросил:

– Где же ты на самом деле пропада́л двенадцать лет, журналист Нечаев Артур?

Двенадцать лет назад

Должно быть, взорвали припаркованную возле дома вишневую «девятку», которую смогли опознать лишь по элементам кузова, торчащим из-под завала. Сам дом, двухэтажный коттедж проектировки «под придурь хозяина», с небольшими готическими башенками и германской мелкой черепицей, разворотило до самой крыши, обрушив стену и обвалив часть несущих балок. Начатое неизвестным киллером дело продолжил рванувший газовый котел, добавив огоньку в общий хаос.

Когда проснувшиеся от грохота соседи смогли, наконец, вызвать пожарных и милицию, коттедж был объят пламенем, во все стороны летели искры, а вокруг, с заунывным воем и причитаниями, металась чудом оставшаяся в живых длинноногая девушка в перемазанной сажей комбинации.

Желтый с белой полосой «рафик» телевизионщиков прибыл на место взрыва одновременно с дежурным нарядом из местного отдела милиции. Требовательно сигнала, раздвинул столпившихся зевак и притулился рядом с каретой скорой помощи.

– Боря! Камеру! – резко скомандовал Нечаев, жадно осматривая место происшествия и решая с кого бы начать. Щелкнул, цепляя на свою излюбленную жилетку, пластиковый бейдж с названием канала, схватил микрофон и как сол-

дат в атаку, ринулся из машины наружу. За ним, словно верный пес, связанный с хозяином не сильно длинным проводом, побежал оператор Борис с тяжелой камерой на плече.

– Боря! Фон возьми! Вон там стэнд-ап снимем! – указывал журналист, окунаясь в привычную обстановку. – Смотри, командир пожарного расчета! Боря, быстрее!

Водитель «рафика», седой как лунь Лев Евгеньевич, заглушил мотор, вытащил из пачки «беломорину» и вышел на воздух. Прислонился плечом к машине, задумчиво разглядывая действие и наслаждаясь ядреным табаком.

Из машины скорой, стоящей напротив, тоже вышел шофер – приземистый мужичек в затертой кожаной куртке – небрежно бросил в рот папиросу и хлопнул дверью.

– Здорово, – поприветствовал он Льва Евгеньевича.

– Привет, – кивнул тот в ответ и протянул зажигалку. Шофер скорой наклонился, зажав папиросу зубами, его лицо на миг осветилось багровым.

– Телевидение? – раскуриваясь, спросил мужичек.

– Угу, – кивнул Лев Евгеньевич.

Он меланхолично наблюдал за бродящими по пепелищу силуэтами пожарных, заливающих пеной последние очаги возгорания, за усталыми лицами милиционеров, мелькающими в сине-красных вспышках патрульной «люстры», за неровным качающимся забором из голов собравшихся зевак, переговаривающихся друг с другом. Среди всех этих людей, дыма, копоти и обломков, то и дело проявлялась светлая жи-

летка Нечаева, и тут же пропадала, чтобы появиться в другом месте. Словно бок мечущейся рыбы в свете фонаря.

– Акула пера, – беззлобно пробурчал водитель.

– Опять какого-то «нового русского» взорвали, – не обращаясь ни к кому конкретно сказал водитель скорой. – Все разборки у них, терки-сходки. Второй подрыв за месяц. Огнестрелы уж и не считаем... Как думаешь?

– Угу, – промычал Лев Евгеньевич.

– А вот и я так думаю, – мужичек подошел ближе, найдя благодарного слушателя, указал огоньком папиросы в сторону дома. – Дня три назад барыгу одного забирали, кооператора. Ему утюгом все пузо пожгли. А паяльник... того... ну, сам понимаешь.

– Угу.

– Пока ехали, орал как резанный. Как больница показалась, так вырываться начал, мол не пойдете дальше. Типа, там его менты будут крутить и разводить, а они в этом страшнее любой братвы. Говорит, на дачу везите, да все, что нужно по медицине, там сделайте. Долларами, говорит, заплачу. Ну, нам же не жалко, мы и отвезли. А вчера видел его, в реанимации. У него черенок от лопаты... ну, там где паяльник был. И что у них за мода пошла всякие предметы в живого человека запихивать?

– Угу.

Лев Евгеньевич щелчком отправил окурок в сторону, устроился поудобнее, вдыхая прохладный ночной воздух.

Нашел глазами Нечаева – тот как раз лез с микрофоном к девушке, засыпая вопросами. Девушка, заплаканная, испуганная и растрепанная, вяло отбивалась, кутаясь в безразмерный милицейский бушлат, мотала головой и пыталась уйти. Но Артурчик свое дело знал – он лип, как банный лист, заходил с разных сторон и слово за словом вытягивал наружу эксклюзив, из-за которого и был настолько известен.

– Слушай, – шофер скорой легонько толкнул локтем Льва Евгеньевича. – А это твои там бегают, с камерой?

– Мои.

– А тот, в жилетке, случаем не Нечаев?

– Он самый.

– Да ладно! Тот, который криминальную передачу ведет?

Эту, как ее...

Мужичек защелкал пальцами, мучительно вспоминая, и, наконец, выпалил:

– «Криминальный след»!

Лев Евгеньевич только кивнул, важно и с достоинством.

– Ох ты! – хлопнул себя по боку шофер скорой, рассыпая искры от папиросы. – Мужикам скажу – не поверят!

Жилетка мелькнула возле самого дома. Нечаев с послушным оператором полезли на обломки, на которых виднелись перемазанные белые халаты врача и санитаря. Указывающий перст Артура приказал объективу буквально уткнуться в раскуроченную пожарными яму, из которой торчала голова волосатая нога с безжизненно повисшим на пальцах тап-

ком. Санитар попробовал было отогнать наглых телевизионщиков, но был атакован вопросами Нечаева и поспешно ретировался.

– Мы с женой его каждую пятницу смотрим, – доверительно сообщил Льву Евгеньевичу шофер скорой. – В программе передач помечаю, чтобы не пропустить. Интересные истории рассказывает этот твой Нечаев, ага. Прямо дух захватывает. То про рэкетиров, то про этих... убийцев... киллеров! И, главное, прямо выведывает все, не боится, ага. Вон, передача, где он про коррупцию в администрации показывал, так прямо с камерой в публичный дом заявился! Вот лица были у этих чинуш в простынях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.